

и социальная ответственность бизнеса / Под ред. Е. Б. Завьяловой, В. Б. Кондратьева. М.: МГИМО-Университет, 2013; Дегтярев А. А. Основные формы GR-работы по регулированию взаимодействия бизнес-корпораций с государственными органами // Россия в глобальном мире: институты и стратегии политического взаимодействия / Отв. ред. О. В. Гаман-Голутвина, Л. Б. Сморгун. М.: РАПН, 2012.

⁵² Болгова А. Н. GR-менеджмент — инструмент цивилизованного лоббизма? // Бизнес и власть в современной России: теория и практика взаимодействия. М.: Изд-во РАГС, 2010.

⁵³ После работ: Толстых П. А. GR. Практикум по лоббизму в России. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007; Вуйма А. Ю. Лоббирование. Как добиться от власти нужных решений. СПб.: Питер, 2008 — не появились другие столь же фундаментальные труды по обобщению GR практики последних лет в России.

⁵⁴ Более 250 российских журналов по базе РИНЦ в своих аннотациях прямо указывают, что принимают к публикации работы в области государственного и муниципального управления. — См.: Барабашев А. Г., Уткина В. В. Государственное управление в России: основные предметные области и тренды научных исследований. С. 6.

⁵⁵ Сморгун Л. В. Государство и политика модернизации // Вестник филологии и социологии Курского гос. ун-та. 2010. № 2. С. 133–138.

⁵⁶ Государственная политика и управление: Учебник / Под ред. Л. В. Смргунова. М.: РОССПЭН, 2006. С. 3.

⁵⁷ Барабашев А. Г., Уткина В. В. Государственное управление в России: основные предметные области и тренды научных исследований // Вестник Университета (ГУУ). 2014. № 16. С. 13.

3.4. Муниципальная политика*

Подходы к артикуляции тематики в мировой науке

Исследования локальной политики постепенно складываются в качестве одного из направлений российской политической науки. Однако еще рано говорить о том, что они состоялись в виде ее отдельного направления. Схожая ситуация отличает и зарубежную науку. На наш взгляд, для обоснования собственно локальных исследований и их «идентичности» применим подход Дж. Эгню, который, в свою очередь, опирался на работы известного социолога Э. Гидденса. Эти авторы уделили первостепенное внимание введению и «реабилитации» места (*place*) в социальных науках. Кроме того, Дж. Эгню обра-

* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ «Влияние муниципальной реформы на современный процесс политических трансформаций в России», № 13-03-00392а.

тил внимание на проблему смешения места и сообщества (*community*). С его точки зрения, сообщество в исследованиях вытеснило место, но при этом и значимость сообщества стала с XIX в. отрицаться, когда основное внимание стали уделять обществу как целостной системе и процессам *nation-building*¹. Локальные исследования, *во-первых*, призваны обратить внимание на сохраняющееся значение местного сообщества, причем не только в традиционных, но и в современных обществах. В сущности, прямо или косвенно все исследователи локальной политики говорят именно о местных сообществах и их политическом развитии. При всех социальных изменениях люди продолжают жить в локальных сообществах и не могут полностью от них обособиться.

Во-вторых, и в этом уже состоит подход Дж. Эгню, требуется определить политический смысл места. Этому автору не удовлетворяло отношение к месту как к физическому понятию, простому вместилищу тех или иных явлений. С точки зрения Дж. Эгню, политические процессы следовало рассматривать не *in places*, а *through places*, где место представляло бы собой значимый узел, *nexus*. Он также предложил изучать три составных элемента места, такие как *locale* (средоточие социальных отношений), *location* (собственно территория) и *sense of place* (чувство, субъективное ощущение места, которое может, в частности, развиваться в идеологии регионализма и национализма) [Agnew, 1987, p. 28]. Дж. Эгню также предложил концепцию медиации, согласно которой место непосредственно и активно задействовано в социальных процессах, играя роль не площадки, а медиатора. С этой точки зрения локальные исследования хорошо вписываются в контекстуальные подходы в политологии: в данном случае в качестве контекста политики рассматривается место, *place*.

Особое значение имеет понятие *locale*, которое ввел и использовал Э. Гидденс и с которым связано наиболее важное социально-политическое содержание места [в наших работах для упрощения перевода мы предлагали использовать в качестве синонима понятие «арена», см.: Туровский, 1999]. Согласно определению Э. Гидденса, *locale* представляет собой физический регион, который включен в качестве части в систему взаимодействий, имея определенные границы, помогающие так или иначе сконцентрировать взаимодействие [Giddens, 1984]. Иными словами, место, или в данном случае — арена, как один из элементов места, обретает смысл в процессе протекающих там социальных взаимодействий. В терминах Э. Гидденса, оно задействовано в процессе социальной структуризации [Agnew, 1987, p. 36].

Следуя этой логике, можно даже перевернуть всю картину социально-политических процессов, понимая их местный уровень не как

«проективный», зависимый и вторичный, а, напротив, как базисный, когда из огромного множества локальных процессов и взаимодействий синтезируется и складывается общенациональный процесс. Например, Дж. Эгню указывал на локальное происхождение партийных предпочтений, экономического роста и др.

Для того чтобы проиллюстрировать операциональные возможности место-ориентированной политологии, приведем семь выделенных Дж. Эгню конкретных исследовательских направлений. *Во-первых*, это историческая эволюция локального политического поведения (например, голосования, отношения с центром и др.). В качестве примеров рассматривались Шотландия и США. *Во-вторых*, рассмотрение места как контекста политического поведения. Контекстные модели акцентируют межличностную коммуникацию и эффект соседства² и вводят составляющую местных условий в анализ политического процесса. *В-третьих*, классификация мест с точки зрения их политического поведения. *В-четвертых*, влияние местных и общенациональных факторов на изменения в местном политическом поведении. *В-пятых*, связь с местом возникновения и развития политических партий и движений (в частности, интерес исследователей привлекали локальные корни шотландского национализма, а из истории — итальянского фашизма и германского национал-социализма)³. *В-шестых*, проблемы местного самоуправления, местных политических процессов, взаимоотношений местной и центральной политики. *В-седьмых*, связь места и политической мобилизации, политизация и деполитизация мест [Agnew, 1987].

Если в научной традиции, связанной с именами Э. Гидденса и Дж. Эгню, базовыми являются концепции *locale* и *place*, то в других работах ключевое значение приобретает *locality*, локалитет, который тоже рассматривается как имеющая определенное политическое значение и содержание компактная территориальная ячейка. Например, в политико-географической теории П. Тэйлора локалитет становится частью триады *world-economy — nation-state — locality*. Локалитет он определяет как место, где происходит общий процесс социализации [Taylor, 1989, p. 268]. В сущности, нет каких-либо коренных различий между определениями локалитета и места, которые видятся в первую очередь как компактные территории, где в зависимости от социального состава и географического положения идут те или иные социальные процессы, обусловленные характеристиками этих территорий. В качестве примера можно привести типологию локалитетов в западном обществе, где каждый тип имеет свой характер социальных отношений и ценностных систем, — городской промышленный локалитет (внеличностные межклассовые отношения и важность идеологии), сель-

ский аграрный локалитет (личные отношения и конформизм), пригородный локалитет (потребительская культура и соревновательность индивидов) [Lockwood, 1966].

В то же время сохраняется проблема различения локалитета и региона. Как мы уже отмечали, в части исследований локалитет и регион не различаются в принципе, считаясь одной субнациональной территориальной формой⁴. Нередко местной именуется любая субнациональная власть. Так, территориальные субъекты местного самоуправления — это обычно субрегиональные единицы. Но в унитарных государствах органы самоуправления в регионах (например, избираемые гражданами представительные собрания) могут называться местной властью, как и субрегиональное самоуправление. Однако существует и конвенциональное понимание того, что локалитет отличается максимальной компактностью, небольшими размерами территории. В большинстве стран мира, располагающих значительной территорией, регионы, если понимать под ними субнациональные управленческие единицы верхнего уровня, не могут быть названы локалитетами. Лишь в карликовых и островных государствах «регионы» представляют собой мелкие локальные общности, которые в других странах стали бы субъектами местного самоуправления.

Конечно, трудно определить физический критерий компактности, согласно которому одни территории считались бы регионами, а другие — локалитетами. Однако свой политический смысл у локалитета все-таки есть, и он как раз может стать ключом к его более точной идентификации. Можно вспомнить о различии двух типов обществ — *face-to-face society*, которое основано на личном общении, и *territorial society*, о котором говорил П. Ласлетт [Laslett, 1956]. Заслуживает внимания и концепция локального государства, *local state* [Cockburn, 1977].

С нашей точки зрения, локалитет предполагает высокий уровень плотности межличностных коммуникаций, осуществляемых на географически слитной, компактной территории⁵. В географическом смысле он близок к населенному пункту или их агломерации. Хотя в крупных городах, несмотря на их территориальную слитность, непосредственные коммуникации становятся более сложными, и эти города приближаются к регионам, соответствующим *territorial society* с его более опосредованными социальными интеракциями (закономерно, что в административно-территориальном делении многих стран крупнейшие города являются регионами, а не муниципалитетами). С другой стороны, нет необходимости, чтобы в локалитете все знали друг друга лично, иначе его воплощением окажутся только деревни. Скорее

можно говорить о возможности, но не обязательности межличностных коммуникаций, как об отличительном признаке локалитета. Если взять за основу возможность межличностных коммуникаций на компактной территории, то в таком случае как раз и реализуется функция локалитета как географического пространства для социализации, или, в других терминах, функция места как узла социальных взаимодействий, имеющих те или иные политические результаты, причем не только местного значения.

Наконец, большую ценность и нереализованные перспективы имеет рассмотрение отношений между территориально-политическими уровнями, одним из которых является локальный уровень. Оно позволяет преодолеть оторванность работ по местному самоуправлению и локальной политике от более общих политических и более широких географических контекстов, а также учесть влияние «внешних» факторов и игроков⁶. В частности, в процессе изучения процессов глобализации появилось понятие «глокализация», характеризующее роль локалитетов в этих процессах, слияние глобальных и локальных функций в определенных точках планеты. В мировой практике чаще всего рассматриваются два типа межуровневых отношений — глобально-локальные и центрально-локальные [разновидностью последних являются отношения между государством и местным самоуправлением, см.: Rhodes et al., 1981; Engel, 1985; Page, 1991; Central and Local Government Relations..., 1995].

Следует также принять во внимание наличие в большинстве государств регионально-локальных отношений, которые имеют особую специфику в федерациях, где возникает сложная интрига во взаимодействии субъектов федерации и местного самоуправления. Так, для случая США С. Элкин определил федералистский тип городского режима, предполагающий помощь городу и его правящей коалиции со стороны вышестоящей власти [Elkin, 1987].

Тем не менее, несмотря на подходы к концептуализации локальной политики и оформления отдельного научного направления, эта работа пока далека от своего завершения. Многие зарубежные (и российские) специалисты не склонны уделять этому особому вниманию. Одни сосредоточены на изучении местного самоуправления либо городских режимов, и у них есть свои теории, которых им вполне достаточно. Другие рассматривают локальные исследования в качестве проекции аналогичных исследований кросс-национального, национального и регионального уровня. Зачастую не проводится различие регионального и локального уровней и они воспринимаются как одно целое.

Исследования локальной политики в России: на пути к формированию субдисциплины

Высокая актуальность локальной проблематики в нашей стране определяет повышенный, но пока недостаточно регулярный к ней интерес. Интерес к этой теме резко вырос с попыткой активизации в первой половине 1990-х годов системы местного самоуправления, которая выделась в качестве автономной от государственной власти. Возникновение нового политического института и территориального уровня публичной власти — местного самоуправления стало одним из важных составляющих политических процессов, который получил новый импульс с принятием первой постсоветской конституции 1993 г., где была формально закреплена политическая автономия этого института. В этой связи исследования локальной политики в России теснейшим образом переплетены с изучением дальнейших непростых перипетий, связанных с постоянными реформами местного самоуправления, которые продолжают до сих пор. Крайняя неустойчивость и политическая уязвимость и слабость местного самоуправления, с одной стороны, редко позволяет говорить о нем как о последовательно укрепляющемся уровне власти. С другой стороны, его «бесконечное становление», отягощенное множеством проблем, создает свое исследовательское поле, поддерживает интерес к проблемам местного самоуправления.

Наряду с проблематикой местного самоуправления, его реформ и контрреформ сама специфика обширного политического пространства России располагает к изучению политических процессов на локальном уровне. Однако одновременно она приводит и к невозможности масштабных сравнительных исследований в силу огромного количества территориальных субъектов локальной политики, исчисляемых многими тысячами. Распространение получили *case-study* отдельных муниципалитетов, обычно — городов (притом не обязательно крупных), на примерах которых рассматриваются те или иные вопросы.

Нельзя сказать, что по теме локальной политики в России выходит огромное количество работ. Традиционно повышенный интерес к общестрановой или кросс-национальной проблематике уводит в тень исследования, сфокусированные на «мелких» территориальных сюжетах. Однако позитивным моментом является наличие серии качественных научных трудов и ряда авторитетных авторов, которые пусть и не сосредоточены только на локальной политике, но внесли заметный вклад в постепенное развитие этого направления.

Весьма типичным, но опять же ожидаемым явлением стала концентрация большого числа работ в рамках других научных дисциплин. Само за себя говорит одно только формирование в научно-образовательной сфере такого направления, как государственное и муниципальное управление. Оно смыкается с давно известной в зарубежной науке проблематикой *public administration*, которая изучается и на локальном уровне. На Западе известны, в частности, сравнительные исследования местного управления (*local government*), имеющие, как правило, кросс-национальный характер либо сфокусированные на специфике отдельных стран [King, Pierre, 1990; Chandler, 1993; Norton, 1994]. Исследования и обзоры местного управления в различных странах мира получили свое распространение и в России [Черкасов, 1998; Евдокимов, Старцев, 2001]. В подобных работах основное внимание уделяется формально-правовым аспектам местного управления (самоуправления), причинам их возникновения и различий [Барабашев, 1993; Абрамов, 1997; Тощенко, Цветкова, 1997; Васильев, 1999; Анимича, Тертышный, 2000; Постовой, 2002; Тихонов, 2004; Васильев, 2004; Тимофеев, 2005]. Закономерно, что муниципальная проблематика развита в правоведении, где есть такая отрасль, как муниципальное право [Кутафин, Фадеев, 1997; Ковешников, 2002; Шугрина, 2004; Бабичев, 2009]. В частности, в России выходит специализированный журнал «Конституционное и муниципальное право». Официальные структуры, как, например, Общероссийский конгресс муниципальных образований, издают свои журналы («Муниципальная Россия» выходит с 2009 г.). В работах по праву и управлению отчасти рассматриваются и финансово-экономические аспекты деятельности местного самоуправления. Собственно экономические вопросы локального уровня не выделились в какое-то отдельное направление российской экономической науки. Однако возникли аналитические и экспертные организации, которые занимаются именно этой проблематикой, в частности московский Институт экономики города.

Для политической науки локальная проблематика — это одно из множества предметных полей. Оно, вероятно, не самое значительное, но имеющее хороший потенциал и в силу хронической неустойчивости институтов местного самоуправления, и благодаря фрагментации и размеру политического пространства, открывающего гигантские возможности для локальных эмпирических исследований. Отчасти изучение локальной политики можно считать ответвлением политической регионалистики, которая в России не без труда и споров, но лучше и надежнее оформилась уже в качестве политологической субдисци-

плины. Можно сказать, что это — «младшая сестра» политической регионалистики. Отчасти на локальный уровень приходят те, кто занимается проблематикой политических режимов и стремится дополнить и углубить исследования за счет локального уровня и специфики того же местного самоуправления. В таком случае возникает «проективное» («проекционное») исследование локальных политических процессов, являющееся проекцией аналогичных исследований, которые проводятся на национальном и кросс-национальном уровне. Но в качестве особого направления, субдисциплины изучение локальной политики пока не сложилось и сохраняет весьма фрагментарный с точки зрения подходов и методов характер.

Тем временем в правоведении есть своя более глубокая традиция и свои подходы к местному самоуправлению, которые неизбежно оказывают влияние на политологию. *Во-первых*, разработаны конкурирующие теории местного самоуправления, призванные раскрыть и обосновать изначальные смыслы этого политического института. Одна из них — общественная теория, восходящая к либерализму Дж. Локка, идеям эпохи Просвещения, европейцу Ж.-Ж. Руссо, американцу Т. Джефферсону и др. Эта теория опирается на идеи общественного договора и, применительно к локальной политике, — автономной самоуправляющейся общины со своими естественными правами, прямой демократии (в некоторых источниках отдельно рассматриваются близкие по сути общественная теория и теория свободной общины). Т. Джефферсон говорил в этой связи о «республиках в миниатюре», что соответствовало опыту создания поселений американских колонистов, своего рода политическим *greenfield*-проектам. Непосредственно к локальной политике имели отношения труды сторонников общественной теории и теории свободной общины, таких как Г. Аренс. В дореволюционной России к ним присоединились А. Васильчиков и др. Широкое распространение и эмоциональная насыщенность общественной теории повлияла и на довольно типичный субъективизм многих авторов, склонных к идеализации местного самоуправления, как априори «хорошего», самого демократического и самого народного правления, на его противопоставление государству. Общественная теория смыкается и с идеями федерализма, когда он рассматривается как процесс формирования и консолидации локальных общественных отношений и политий, о чем говорили европейские авторы в Средневековье (И. Альтузиус) и что затем нашло свое отражение, в частности, во взглядах на федерализм левых и анархистов (П. Ж. Прудон, М. Бакунин и др.).

Напротив, государственная теория, не имея столь глубоких философских оснований, в то же время получила распространение в силу своего прикладного характера. Эта теория не отделяет местное самоуправление от государственной власти и рассматривает его в качестве функциональной подсистемы последней. В этой логике правильнее говорить о местном государственном управлении. Подобные идеи выдвигали в XIX в. Р. Гнейст и Л. Штейн, они нашли вполне естественный отклик в дореволюционной России (В. Безобразов, А. Градовский, Н. Коркунов, Н. Лазаревский). Одновременно возникла и общинно-хозяйственная доктрина. Она рассматривает муниципалитеты как инструмент вышестоящей власти в вопросах государственного значения и ограничивает их самостоятельность частными вопросами компактных корпораций, сложившихся на местах [Барабашев, 1996].

Во-вторых, внимание «управленцев» и правоведов традиционно сосредоточено на моделях организации местного самоуправления. Выделяется англосаксонский тип (его также называют партнерской моделью), который ближе к идеалам общественной теории. Он предполагает «отсутствие на местах полномочных представителей центрального правительства, опекающих выборные муниципальные органы» [Барабашев, 1996, с. 14]. Континентальный тип местного самоуправления, классическим примером которого служит Франция, ближе к воплощению государственной теории. В его основе — административная опека органов самоуправления, присутствие на местах агентов центрального правительства [Черкасов, 1998, с. 55]. Существуют и другие, несколько более сложные классификации.

Дискуссии философов и правоведов о теориях местного самоуправления неизбежно оказали свое влияние на политологов. Часть политологических работ находится под влиянием идеализированных представлений о местном самоуправлении, другая характеризуется ярко выраженным государственным подходом, третья — пессимизмом, который, впрочем, может быть результатом разочарования в идеалах, не прижившихся на российской почве. Говорится, в частности, что «хотя российское законодательство, напротив, полагает субъектом местного самоуправления именно население, для анализа российской местной политики нормативное представление о гражданской общности как основе местного самоуправления выглядит не вполне продуктивным» [Гельман, Рыженков, Белокурова, Борисова, 2008, с. 27]. Применение демократических процедур, свойственных местному самоуправлению, в российских реалиях не всегда соответствует

меритократическим принципам: «Наши исследования показывают, что российские... выборы могут оказаться палкой о двух концах, если говорить об отборе подготовленных чиновников» [Buckley, Garifullina, Reuter, Shubenkova, 2014, p. 88]. В этих условиях чаще постулируется полезность либо неизбежность «государственного» похода к местному самоуправлению. Отталкиваясь от существующих теорий, автор данной статьи ставил в свое время прикладные проблемы востребованности, эффективности, объема самоуправления, которые характерны не только для России и должны учитываться при анализе его проблем и перспектив [Туровский, 2005].

Сложилась потребность в том, чтобы яснее и определеннее отделить политологический подход к локальной политике от того, который характерен для правоведения. По мнению А. Баранова, «в отличие от правоведов, политологи стремятся рассматривать местный уровень публичной власти как неотъемлемую часть политического режима и его политического курса. Местный уровень власти рассматривается как часть многоуровневой системы центр-локальных и регионально-локальных политических отношений, что позволяет исследовать его роль в циклических процессах централизации и децентрализации, в федеративных отношениях, в вертикальной циркуляции элит между уровнями политической системы» [Баранов, 2013, с. 162].

Нельзя сказать, что работа в предметном поле локальной политики носит в нашей стране систематический характер. Одной из типичных особенностей оказался выход крупных обобщающих трудов и специальных выпусков научных журналов⁷. Работа ведется «редко», но достаточно «метко»: на базе накопленного в течение ряда лет материала выпускаются знаковые научные монографии — своеобразные «вехи» российских локальных исследований⁸, а также номера научных журналов, целиком посвященные данной теме. Другой особенностью стало распространение аналитических докладов, которые обычно содержат не только результаты экспертизы, но и рекомендации для органов власти. Учитывая постоянные изменения законодательства, возникновение подобного жанра неудивительно. Наиболее активная работа в этом направлении проводилась специалистами Института современного развития (ИНСОП) и Комитета гражданских инициатив (КГИ), которые стремились придать местному самоуправлению в России исходные демократические смыслы [Российское местное самоуправление..., 2008]. В целом стремление давать политические оценки и рекомендации типично для локальных исследований в России, что подчеркивает «сырость» и аморфность института местного самоуправления.

Неудивительно, что для исследований локальной политики характерно использование сравнительных методов. *Во-первых*, важность зарубежного опыта и попытки его заимствования предопределили сравнительные исследования России и других стран [Авдонин, 2008]. *Во-вторых*, открылись огромные возможности для внутрироссийских сравнений. Однако в таких случаях в России всегда встает проблема выборки. Очевидно, что охватить все муниципальные образования практически нереально, и проблемой локальных исследований в России является кажущаяся почти бесконечной множественность изучаемых объектов. Поэтому в случае формирования больших выборок дело, как правило, ограничивается региональными столицами, что, однако, может обеднять исследования, поскольку крупные города представляют собой специфическую и притом лучше всего изученную совокупность муниципалитетов. На относительно крупных выборках можно изучать, например, распространение различных моделей организации местного самоуправления, выборных мэров и сити-менеджеров [Гельман, Ланкина, 2007; Gel'man, Lankina, 2008].

Преодолению этой проблемы способствуют исследования малых городов, которые обычно представляют собой одно или несколько *case-study*. Впрочем, *case-study* используются и в отношении крупных городов [например, в монографии «Реформа местной власти в городах России. 1991–2006» рассматриваются Саратов, Пермь, Петрозаводск и Псков, см.: Гельман, Рыженков, Белокурова, Борисова, 2008]. Такие исследования часто предполагают моделирование каких-либо локальных ситуаций и идентификацию индивидуальных моделей, которые представляются в качестве идеально-типических и могут быть в перспективе применены для других городов. В то же время в силу малого числа исследований нельзя говорить о том, что определенные локальные модели властных отношений в дальнейшем «подхватываются» другими авторами и используются на других примерах.

Развитие получило использование метода экспертных интервью (в работах А. Чириковой, В. Слатинова и др.), что позволяет выявить и уточнить ту или иную специфику локальной политики в рамках отдельных случаев или небольших выборок изучаемых территорий. Экспертные интервью широко применяются и при подготовке аналитических докладов. В целом, к сожалению, количество как изученных локальных кейсов, так и проводимых экспертных интервью остается крайне недостаточным для столь большой страны, как Россия.

На данном этапе наибольшее развитие в отечественной политологии получило изучение на локальном уровне политических режимов

и элит, что отчасти соответствует и зарубежным исследованиям. В центре внимания политологов обычно оказываются вопросы структуры и распределения власти в муниципальных образованиях, что хорошо вписывается в «мейнстримы» анализа посткоммунистических режимных трансформаций, реформ и контрреформ местного самоуправления (которое рассматривается в контексте политического режима), рекрутирования и циркуляции политических элит. Как сказано выше, такие работы чаще всего имеют «проекционный» характер. Также они позволяют задействовать различные теории среднего уровня, в том числе созданные западными авторами в отношении непосредственно городской политики (см. ниже).

В фокусе локальных политических исследований в России оказываются почти исключительно города, что характерно и для зарубежной науки. В некоторых работах можно встретить прямое отождествление локальных и городских режимов [Гельман, Рыженков, 2010a] — со ссылкой на понятие *urban regimes*. «Городской уклон» локальных исследований вполне закономерен, поскольку является более разработанным на концептуальном уровне и более простым для эмпирических исследований [Скороходова, 2013]. Кроме того, в зарубежной науке существует богатая традиция исследования городов и их внутренней социальной и пространственной структуры в социологии [начиная с чикагской школы «экологии человека», см.: The City, 1925, а также Castells, 1978 и др.] и политической географии [Harvey, 1973; Cox, 1973].

Вполне в логике западных работ часть российских исследований затрагивает традиционное проблемное поле плюрализма и элитизма, акцентируя внимание на акторах городской политики, их конфигурации и структурных отношениях [Ледяев, 2005; 2006; 2012]. Для плюралистического подхода отправной точкой является знаменитая работа Р. Даля «Кто правит?», которая, как известно, представляла собой эмпирическое исследование американского города Нью-Хейвен [Dahl, 1961].

На следующем этапе в западной науке появилась теория городских режимов, которая стала одной из главных отправных точек и в последующих российских исследованиях [Elkin, 1987; Stone, 1989; Feinstein, 1994]. «В отличие от старых дебатов между элитистами и плюралистами, которых интересовал ответ на вопрос “Кто правит?” (“*Who governs?*”), а внимание сосредоточивалось на изучении степени влияния тех или иных групп на городскую политику, теория городских политических режимов фокусируется на способности акторов добиваться поставленных целей. Если традиционное “Кто правит?” акцентирует внимание на неравном распределении властных ресурсов и позиций, то в теории

городских политических режимов главный вопрос формулируется следующим образом: «Каким образом осуществляется управление в сложных городских системах?» По-новому объясняется и эффективность местной власти (*local government*), которая увязывается со способностью мобилизовать государственные и негосударственные ресурсы для достижения общезначимых целей» [Ледяев, 2008б, с. 130].

Неудивительно, что теория городских режимов, равно как и сакральный вопрос «Кто правит?», пришлась к месту в российской политической науке, когда она заинтересовалась политическими процессами на локальном уровне. Согласно этой теории, городские режимы понимаются как правящие акторные коалиции, решающие ключевые вопросы городского управления. Важное значение имеет вопрос о взаимодействии и кооперации этих акторов. Вопрос о субъектах городской власти, конфигурации и иерархии акторов, городских коалициях и режимах находится в центре внимания таких авторов, как В. Ледяев, А. Чирикова и Д. Сельцер [Ледяев, Чирикова, 2013; Ледяев, Чирикова, 2014; Чирикова, Ледяев, Сельцер, 2014; Ledyev, Chirikova, Seltser, 2014]. Так, В. Ледяев способствовал внедрению в российскую политическую науку описанных выше теорий и подходов. Указанные авторы провели апробацию этих подходов через ряд эмпирических исследований, в том числе в малых городах Пермского края и Тамбовской области, таких как Кунгур, Чусовой, Моршанск и Котовск. Эти города оказались в российской науке некоторым аналогом площадок для эмпирических исследований, которые получили известность в американской политологии (Нью-Хейвен, Атланта и др.).

Политические вызовы нулевых годов, связанные с централизацией власти и преобладанием тенденций администрирования, стимулировали размышления о выживаемости городских режимов в России. Тем не менее есть «факторы, сохраняющие возможность формирования городских режимов: влияние глобализации, рост сложности социальных процессов, влекущих усложнение процессов властвования, особенно в крупных городах. Усиление федерального центра может вызвать ответное стремление местных элит объединиться в отстаивании интересов» [Баранов, 2013, с. 163].

Закономерно, что исследования городских режимов стали стимулом и для развития локальной политической элитологии, представленной главным образом теми же авторами [В. Ледяев, А. Чирикова, Д. Сельцер, Т. Витковская, В. Мохов и др.: см., напр.: Витковская, 2008; Мохов, 2011 и др.], а также зарубежными исследователями России [Matsuzato, 1999]. Опять же значительная часть работ проводилась

на примерах Пермского края и Тамбовской области, но были, разумеется, отдельные работы и по другим городам [например, по Владивостоку, см.: Шинковская, 2008]. Т. Витковская сформулировала также ряд понятий локальной элитологии. По ее мнению, «утверждение о наличии локальной политической элиты означает, что существует неизбежно узкий круг представителей локального сообщества, обладающих приоритетным политическим влиянием на дела муниципалитета, достаточно независимый от региональной элиты, от других влиятельных игроков на своем уровне и отграничивший себя от прочей массы населения» [Витковская, 2011, с. 102]. Говоря о составе локальной политической элиты, Т. Витковская выделяет «четыре основных компонента: корпус глав муниципалитетов, депутатский корпус, местное партийное руководство и политически активный бизнес» [Там же, с. 105].

Возможности для исследования локальных элит расширило использование биографического метода, который применяется и зарубежными учеными, занимающимися Россией. В частности, в одной из недавно вышедших коллективных работ с использованием биографического метода было проведено сравнение выборных и назначенных муниципальных глав [Buckley, Garifullina, Reuter, Shubenkova, 2014].

Вместе с теорией городских режимов в российских исследованиях стала популярной и элитистская теория «коалиций роста», или «машин роста» [Molotch, 1976]. Автор этой теории Х. Молотч обращает внимание на распределение в городе групповых интересов, которое ведет к появлению коалиций, поддерживающих социально-экономическое развитие города и одновременно реализующих свои корпоративные интересы.

Исследования коалиций роста в городах выводят, в свою очередь, на популярную в российской политологии тему отношений власти и бизнеса [напр.: Тев, 2008]. В частности, в работе Е. Бычковой и В. Гельмана была разработана типология локальных режимов именно с точки зрения отношений власти и бизнеса (четыре типа, в зависимости от силы и слабости власти и бизнеса, соответственно). Эта типология была проиллюстрирована на примерах Перми и Череповца [Бычкова, Гельман, 2010]. В ряде работ внимание уделялось роли градообразующих предприятий в городской политике, что соответствует и российской специфике (наличие многочисленных моногородов), и зарубежному опыту *company town* [на примере Пермского края см.: Рябова, 2008].

Собственно тема городских режимов также получила свое развитие в связи с происходящими в западной науке дальнейшими изменениями. Как отмечает В. Ледяев, «новые институциональные контексты

использования американских теорий вызвали ряд изменений — как в самой теории городских политических режимов, так и в описании режимов, обнаруженных в европейских городах. Прежде всего, произошло расширение понятия “режим”, которое фактически отождествляется с понятием “городское управление” (*urban governance*); оно стало более эластичным в силу того, что фактически из него исчезли признаки надежности и длительности, обязательные для американских версий теории режимов. Тем самым подразумевается, что всегда есть какой-то уровень кооперации между публичным и частным секторами, а режим имеет место в любом городе» [Ледаев, 2008а, с. 48–49]. Кроме того, в США появились более сложные типологии городских режимов, как, например, их деление на режим поддержания статус-кво, режим роста (развития), прогрессивный режим среднего класса.

Впрочем, в российской политологии исследователи пока не освоили весь спектр возможных вариантов изучения городских режимов. Это объясняется не столько отставанием нашей науки, сколько очевидными концептуальными натяжками, поскольку различные типологии городских режимов появились главным образом на американских, а затем — на европейских примерах. В России же исследовательская работа остановилась на описании тех или иных конкретных локальных режимов, их авторской идентификации, а также на поиске коалиций роста. Среди примеров и здесь фигурировала Пермь [Борисова, 2010].

Режимные характеристики российских городов рассматриваются в политической науке под разными углами зрения. Они не обязательно следуют теории городских режимов, а скорее используют в качестве отправной точки классические теории политических режимов, проецируя их на локальный уровень. Авторы обращают особое внимание на проблему автономии локальных режимов, характеристики демократии и авторитаризма, траектории режимной эволюции в городах во взаимосвязи с общероссийскими изменениями, организацию и структуру властных отношений [Гельман, 1997; Гельман, Рыженков, Белокурова, Борисова, 2002; Великая, Шишкин, 2003; Нечаев, 2004; Нечаев, 2005; Ланкина, 2005; Ross, 2007; Гельман, Рыженков, Белокурова, Борисова, 2008; Гельман, 2008б; Гельман, 2010; Гельман, Рыженков, 2010б]. Распределение власти в городе может изучаться как с точки зрения классических западных моделей (англосаксонская vs. континентальная, «сильный мэр — слабый совет» vs. «слабый мэр — сильный совет»), так и с целью выявления собственно российских практик. В частности, Т. Витковская на примерах ряда городов Пермского края и Свердловской области определила три модели взаимоотношений между мэрами и муниципальными

ассамблеями — модель подчинения, конфронтационную модель и модель конструктивного взаимодействия [Витковская, 2012].

При этом не произошло пока полноценной адаптации научных подходов к российским реалиям; востребованность разработок собственных подходов на российских примерах пока опережает предложение. В частности, перспективу имеет, на наш взгляд, рассмотрение городских коалиций, ориентированных на извлечение ренты (*rent-seeking coalitions*), акторов-монополистов (локальные монополии), стремящихся сосредоточить городские ресурсы под своим контролем либо обеспечить доминирование в определенных секторах, как политических, так и финансовых (например, в строительстве, ЖКХ). Разработка новых подходов, не связанных с западным опытом, могла бы существенно расширить возможности локальных политических исследований в России и максимально приблизить их к реальным политическим практикам и интересам игроков.

Для локальных исследований значимым остается и предметное поле местной демократии. Пока ее современное состояние далеко от идеалов. Например, локальная демократия обладает такими признаками, как политическая конкурентность, осведомленность местного сообщества о своих проблемах и курсе локальной политики, сильная локальная идентичность, сниженная дистанция между элитами и населением [Гончаров, 2010]. В российских муниципалитетах пока сложно говорить о наличии ярко выраженных признаков локальной, или местной, демократии, хотя в зачаточном состоянии или в тенденции они, безусловно, существуют [Новоселов, 2006].

В любом случае проблематика локальной демократии тесно смыкается с получившими развитие в России исследованиями гражданского общества и гражданского участия, где ученые нередко обращаются именно к локальным примерам для обоснования своих выводов, а иной раз и в поиске своих идеалов. Как результат, исследования публичной политики и гражданского общества существенно пересекаются с исследованиями локальной политики. Непосредственно же с темой локальной политики связаны работы по жилищному движению и самоорганизации граждан по месту жительства [Шомина, 2004]. Российское законодательство предполагает такую форму самоорганизации граждан, как территориальное общественное самоуправление (ТОС), которое тоже становится предметом исследований [Территориальное общественное самоуправление..., 2014]. Кроме того, изучение публичной политики на локальном уровне имеет свое прикладное измерение — гражданский активизм, у которого есть своя теория и практика.

Наконец, изучение локальной демократии неизбежно выводит на электоральные исследования, которые получили широкое распространение в России [Кынев, 2007]. Особое внимание в последние годы стала привлекать тема выборности российских мэров и свертывания этой процедуры [Макаркин, 2007].

Таким образом, локальный уровень политики создает богатые возможности для применения, разработки и доработки целого ряда направлений политической науки. К их числу самым очевидным образом относятся исследования политических режимов, элит, гражданского общества, электоральных процессов. В то же время остается в дефиците адекватная теоретико-методологическая основа. С одной стороны, оказывается невозможной релевантная адаптация западных теорий, ведущая к концептуальным натяжкам или сбивающаяся на публицистичность. С другой стороны, пока не получило достаточного распространения использование в локальных исследованиях в России более близких к отечественным реалиям концепций.

В этой связи значительное развитие в России получили исследования режимных трансформаций на муниципальном уровне, связанных с общенациональными трендами, сначала — с демократическим транзитом, а в последние годы — с укреплением вертикали власти. Местное самоуправление рассматривалось в 1990-х годах в качестве одного из ключевых элементов формирующейся российской демократии. Однако по прошествии времени оно стало вызывать и определенное разочарование в этом качестве. В работах нулевых годов подводились итоги сложного и далеко не линейного становления муниципальной власти. Ставился и вопрос *path dependency*, в том числе с точки зрения влияния советских властных институтов, которые не предусматривали наличие местного самоуправления, отделенного от всей системы советской, единой и многоуровневой власти. Потеряло свое значение и излишне субъективное отношение к «возрождению» институтов местного самоуправления, прототип которого виделся в перестроечный период и начале 1990-х годов в идеализированных дореволюционных земствах (о чем писал, в частности, А. Солженицын). Напротив, пришло понимание того, что местное самоуправление не укоренено в отечественной истории, а попытки отделить его от государства не имели успеха.

Более реалистичной и, в определенном смысле, прагматичной стала постановка в режимных исследованиях вопроса о степени и характере местной, или муниципальной, автономии. Этот вопрос рассматривается, в частности, в одной из фундаментальных монографий по теме местного самоуправления в России [Гельман, Рыженков, Белокурова,

Борисова, 2008]. Ее авторы выделили пять ключевых проблем местного самоуправления — демократии, местной политической автономии, местной экономической автономии, интеграции местного самоуправления в общую систему управления государством, проведения политического курса на местном уровне. Ими также были предприняты попытки измерения местной автономии и ее динамики.

Наряду с этим в центре внимания исследователей оказались и особенности режимного разнообразия на локальном уровне. В частности, стала изучаться проблема институционального выбора, когда по итогам муниципальной реформы, начатой в 2003 г., территории определялись между моделями выборного мэра и сити-менеджера, а потом меняли свои предпочтения (обычно — в пользу более централизованной модели сити-менеджера). Диффузия институциональных решений и их причины были исследованы В. Гельманом и Т. Ланкиной [Гельман, Ланкина, 2007]. Проводились и исследования на примерах определенных региональных выборов, например в Центральном федеральном округе [Слатинов, 2009].

Тем временем явные и очевидные проблемы с развитием и консолидацией локальной демократии в России привели к тому, что на концептуальном уровне локальная режимная специфика стала чаще рассматриваться в терминах субнационального авторитаризма [Гельман, 2008а]. Но данная исследовательская конструкция не принимала во внимание собственно локальный уровень, имела общий характер для всех субнациональных территорий и чаще применялась в отношении субъектов федерации.

Аналогичным образом одна из попыток операционализации понятия «локальный режим» тоже не предполагала специального различия регионального и локального уровней, т.е. фактически определяла любой субнациональный режим. В частности, В. Гельман и С. Рыженков считали локальными режимами (ЛР) «устойчивые констелляции акторов, институтов, ресурсов и стратегий на локальном уровне, обуславливающие характер осуществления местной власти и локального политико-экономического управления, основанного на реализации политического курса на местном уровне. ЛР могут быть присущи любой территориальной единице при наличии хотя бы минимальной автономии локальной политики и управления по отношению к вышестоящим уровням власти. Они функционируют под воздействием: 1) внешних по отношению к ЛР структурных характеристик (географическое положение, ресурсы, социально-экономическая структура, а также общий контекст развития страны и мира); 2) политических возможностей,

задающих политическую и институциональную среду ЛР и стимулы для их акторов; 3) механизмов политико-экономического управления, осуществляемого на вышестоящих уровнях посредством политического курса. В свою очередь, результаты деятельности ЛР возникают как следствие взаимодействий акторов в рамках, задаваемых локальными институтами. Эти результаты проявляются на трех взаимосвязанных аренах локального уровня — политической власти (*local politics*), политических курсов (*local policies*) и политико-экономического управления (*local governance*)» [Гельман, Рыженков, 2010а; см. также: Рыженков, 2010].

Тем не менее, в любом случае российская политическая наука искала возможности для операционализации «субнациональных» политических категорий, в одних случаях используя отсылку к их локальному характеру, а в других этого не делая (и говоря о региональных, субнациональных и т.п. категориях).

Вопрос об аналитической парадигме для локальных политических исследований, в свою очередь, был решен в пользу неонституционализма. Его использование открывало новые горизонты для изучения исторических институциональных траекторий, неформальных практик, правил игры, смыслов акторных взаимодействий, тем самым уводя от более формализованных подходов, характерных для правоведения и управленческой науки. Как отмечалось в одной из основополагающих работ, «местное самоуправление рассматривается как институт в смысле неонституционализма, т.е. в качестве набора формальных и неформальных “правил игры”, “созданных человеком ограничительных рамок, которые организуют взаимоотношения между людьми”. Как представляется, неонституциональная перспектива предлагает сегодня наиболее широкий и приемлемый выбор познавательных средств для формирования теорий среднего уровня и эмпирических теорий в социальных и политических науках» [Гельман, Рыженков, Белокурова, Борисова, 2008, с. 30]. В этой логике предлагается обращать основное внимание на формирование политических институтов местного самоуправления, или институциональное строительство, и на институциональные эффекты, т.е. воздействие данных институтов на поведение политически значимых акторов [Там же, с. 31]. А. Баранов со своей стороны предложил опираться в локальных исследованиях на неонституционализм рационального выбора [Баранов, 2013].

В связи с накоплением все большего объема материала по локальным политическим исследованиям, включая концептуальные работы, постепенно встает вопрос о переходе «количества» в «новое качество»,

т.е. о создании новой политологической субдисциплины. В частности, в одной из недавних работ А. Баранова прозвучало предложение о создании субдисциплины под названием локалистика, или политическая муниципалистика [Баранов, 2013]. На наш взгляд, исследования локальной политики (пока можно называть формирующуюся субдисциплину и таким образом) невозможно полностью отделить от политической регионалистики. В то же время особое предметное поле у локальных политических исследований есть, о чем мы скажем ниже.

Нет пока и должной операционализации самого понятия «локальная политика». Употребляется оно достаточно редко и «освоено» далеко не всеми учеными, которые занимаются данной темой. Представляется важным уйти от преимущественной фокусировки работ на проблематике местного самоуправления и взглянуть на предметное поле шире, что и позволяет сделать концепт локальной политики. В англоязычной литературе тем временем понятие *local politics* используется достаточно свободно, и сложилось конвенциональное понимание того, о чем идет речь.

По поводу смысла и правомерности концепта локальной политики в российской политологии уже появляются свои труды постановочного характера. В одном из них П. Панов, взяв в качестве отправной точки теорию *nation-state*, обратил внимание на необходимость учета субнациональных уровней политики. Также он выделил три составные части предметного поля локальной политики: «Мы можем говорить о “политике на локальном уровне публичной власти” в двух смыслах — *local policy* и *local politics*. Кроме того... локальная политика может быть концептуализирована как политический курс, который проводят вышестоящие органы власти по отношению к местным сообществам (местному самоуправлению), — *federal (regional) policy on local government (self-government)*. По большому счету, субъектом политического действия здесь выступают не локальные, а национальные (региональные) акторы, однако и в российской политической науке, и за рубежом это направление исследований, как правило, относят к предметному полю “локальной политики”» [Панов, 2008, с. 14].

Важными смысловыми аспектами исследований локальной политики являются: а) необходимость выйти за рамки рассмотрения административно-территориальных образований в поисках политического смысла локальных субъектов; б) обязательный учет территориального разнообразия этих субъектов, наличие компаративной составляющей. В этом исследователи локальной политики естественным образом сближаются со специалистами по политической регионалистике.

П. Панов отмечает: «Если мы рассматриваем политику в качестве социального конструкта, становится очевидно, что локальная политика отнюдь не ограничивается рамками официальных административно-территориальных образований субрегионального уровня... Напротив, сами по себе эти административно-территориальные образования, а также их политичность — продукт социального конструирования, вполне определенного понимания социальной реальности. В этом смысле концепт “локальная политика” приобретает несколько иной смысл — как деятельность, направленная на конструирование политического значения территориальных образований субрегионального уровня» [Панов, 2008, с. 21]. Тем самым обретение локальными субъектами политического смысла может рассматриваться в конструктивистском ключе, с точки зрения развития у них политической идентичности. С этим перекликается и замечание западного исследователя: «Локальная политика — это активный процесс наделения значением, скорее чем пассивный процесс трансляции потребностей» [Agnew, 1987, p. 57]. Наконец, достаточно очевидно, что «концепт “локальная политика” приобретает эвристический потенциал лишь тогда, когда существуют “локальные политики” (во множественном числе), т.е. когда во всех рассматриваемых смыслах (*local politics, local policies, policy on local communities*) наблюдается та или иная степень разнообразия, диверсификации» [Панов, 2008, с. 14–15].

Таким образом, исследования локальной политики имеют в России огромный неизрасходованный потенциал. В сущности, пока сделаны только первые попытки, либо имеющие «проекционный» характер (режимы, элиты, выборы на локальном уровне), либо сфокусированные на определенных элементах локальной политики, имеющих свои теоретические обоснования (местное самоуправление, городские режимы). На наш взгляд, более активное изучение локалитетов, как особых политических образований и межуровневых отношений с их участием, учитывающее институциональные особенности российской политики, а также проведение более масштабных сравнительных исследований могут открыть для изучения локальной политики новые горизонты, а также привести к ценным обобщениям для российской политики в целом.

Примечания

¹ Здесь можно указать на дихотомию *Gesellschaft — Gemeineschaft* у Ф. Тенниса, взгляды О. Конта, марксистскую доктрину, а затем на развитие американской социологии и политологии в лице таких авторов, как Т. Парсонс,

С. Липсет, Г. Алмонд и др. Сообщество (*community*) обычно воспринималось в качестве отмирающего, рудиментарного элемента общественной жизни, связанного с традициями локального партикуляризма и коллективизма. Причем в этом были едины сторонники различных философских течений.

² Эффект соседства — один из географических факторов голосований, связанный с коллективной выработкой электорального решения в соседских сообществах, *neighborhood* и другими микровзаимодействиями.

³ Неудача социалистического движения в США связывалась некоторыми авторами с разрывом между интересами, сложившимися в местах работы и в местах проживания [Katznelson, 1981].

⁴ Так, утверждается, что «понятие “локальный” используется как собирательный термин для обозначения субнациональных единиц управления — регионов и городов» [Гельман, Рыженков, 2010a].

⁵ Что отличает его от сетевых сообществ, где плотность коммуникаций не предполагает географической компактности.

⁶ Например, для городских режимов «роль внешнего фактора в формировании и эволюции городских режимов рассматривается как через характеристики интенсивности взаимодействия разных уровней публичной власти, степени зависимости местных элит от поддержки федеральных и региональных политических и экономических институтов, так и на основе анализа непосредственного участия акторов центрального и регионального уровней в локальных коалициях» [Ледяев, Чирикова, 2013, с. 5].

⁷ В частности, следует выделить посвященные местному самоуправлению специальные выпуски журнала «Полития» (зима 1998/99), *Pro et Contra* (2007, № 1), «Политическая наука» (2008, № 3), «Неприкосновенный запас» (2010, № 2), заочный круглый стол в журнале ПОЛИС (Становление местного самоуправления..., 1998).

⁸ В этой связи можно назвать следующие монографии и сборники: Местное самоуправление в современной России: политика, практика, право, 1998; Реформа местного самоуправления..., 1999; Местное самоуправление: стратегические направления развития, 2000; Центр — регионы — местное самоуправление, 2001; Гельман, Рыженков, Белокурова, Борисова, 2002; Такая разная Россия..., 2007; Гельман, Рыженков, Белокурова, Борисова, 2008; Ледяев, 2012.

Литература

- Agnew J. Place and Politics. The Geographical Mediation of State and Society. Boston: Allen & Unwin, 1987.
- Buckley N., Garifullina G., Reuter O. J., Shubenkova A. Elections, Appointments, and Human Capital: The Case of Russian Mayors // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. 2014. Vol. 22. No 1. P. 87–116.
- Dahl R. Who Governs? New Haven: Yale University Press, 1961.
- Castells M. City, Class and Power. L.: Macmillan, 1978.
- Central and Local Government Relations. A Comparative Analysis of West European Unitary States / Ed. by E. C. Page and M. J. Goldsmith. Oxford: Oxford University Press, 1995.

- Chandler J. A.* Local Government in Liberal Democracies: An Introductory Survey. N.Y.: Routledge, 1993.
- Cockburn C.* The Local State. L.: Pluto Press, 1977.
- Cox K. R.* Conflict, Power and Politics in the City: A Geographical View. N.Y.: McGraw Hill, 1973.
- Elkin S. L.* City and Regime in the American Republic. Chicago: The University of Chicago Press, 1987.
- Engel M.* State and Local Politics. Fundamentals and Perspectives. N.Y.: St. Martin's Press, 1985.
- Fainstein S.* City Builders: Property, Politics, and Planning in New York and London. Cambridge: Blackwell, 1994.
- Gel'man V., Lankina T.* Authoritarian Versus Democratic Diffusions: Explaining Institutional Choices in Russia's Local Government // Post-Soviet Affairs. 2008. 24, 1. P. 40–62.
- Giddens A.* The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration. Cambridge: Polity Press, 1984.
- Harvey D.* Social Justice and the City. L.: Arnold, 1973.
- Katznelson I.* City Trenches. Urban Politics and the Patterning of Class in the United States. N.Y.: Pantheon Books, 1981.
- King D., Pierre J.* (eds.). Challenges to Local Government. L.: Sage, 1990.
- Laslett P.* The Face To Face Society // Philosophy, Politics and Society / Ed. by P. Laslett. Oxford: Blackwell, 1956.
- Ledyev V., Chirikova A., Seltser D.* Who governs? Power in the Local Russian Community // Journal of Political Power. Published online: 24 Jul 2014.
- Lockwood D.* Sources of Variation in Working Class Images of Society // The Sociological Review. 1966. Vol. 14. Issue 3. P. 249–267.
- Matsuzato K.* Local Elites Under Transition: County and City Politics in Russia 1985–1996 // Europe-Asia Studies. 1999. Vol. 51. No 8. P. 1367–1400.
- Molotch H.* The City as a Growth Machine // American Journal of Sociology. 1976. Vol. 82. No 2. P. 309–335.
- Norton A.* International Handbook of Local and Regional Government. Cheltenham: Edward Elgar, 1994.
- Page E.* Localism and Centralism in Europe. Oxford: Oxford University Press, 1991.
- Rhodes R. A. W.* et al. Control and Power in Central-Local Government Relations. Farnborough: Ashgate, 1981.
- Ross C.* Municipal Reform in the Russian Federation and Putin's «Power Vertical» // Demokratizatsiya. 2007. Vol. 15. No 2. P. 191–208.
- Stone C. N.* Regime Politics: Governing Atlanta, 1946–1988. Lawrence: University Press of Kansas, 1989.
- Taylor P. J.* Political Geography. World-Economy, Nation-State and Locality. L.: Longman, 1989.
- The City / Ed. by R. E. Park, E. W. Burgess, R. D. McKenzie. Chicago: University of Chicago Press, 1925.
- Абрамов В. Ф.* Местное самоуправление: идея и опыт // СОЦИС. 1997. № 1. С. 120–126.

- Авдонин В. С.* Развитие местного самоуправления в Германии и России: История, проблемы, перспективы // Политическая наука. 2008. № 3. С. 88–110.
- Анимица Е. Г., Тертышный А. Т.* Основы местного самоуправления. М.: Инфра-М, 2000.
- Бабичев И. В.* Основы взаимоотношений государства и местного самоуправления в российской правовой системе местного самоуправления // Государство и право. 2009. № 3. С. 37–44.
- Барабашев Г. В.* Местное самоуправление в России. Теория и практика // Государство и право. 1993. № 6.
- Барабашев Г. В.* Местное самоуправление. М.: Изд-во МГУ, 1996.
- Баранов А. В.* Становление муниципальных политических исследований в России: основные научные направления // Теория и практика общественно-го развития. 2013. № 11 (2). С. 161–164.
- Борисова Н. В.* Пермь: локальный режим в крупном российском городе // Неприкосновенный запас. 2010. № 2. С. 92–102.
- Бычкова О., Гельман В.* Экономические акторы и локальные режимы в крупных городах России // Неприкосновенный запас. 2010. № 2. С. 73–82.
- Васильев В. И.* Местное самоуправление: Учеб. и научно-практическое пособие. М.: Юриформцентр, 1999.
- Васильев В. И.* Государственная власть и местное самоуправление: продолжение спора // Конституционные и законодательные основы местного самоуправления в Российской Федерации. М., 2004.
- Великая Н., Шишкин В.* Местное самоуправление: еще одна попытка реформы // Свободная мысль — XXI. 2003. № 6. С. 16–28.
- Витковская Т. Б.* Локальная политическая элита современной России: Характерные особенности и трансформация // Политическая наука. 2008. № 3. С. 61–74.
- Витковская Т. Б.* Локальная политическая элита в условиях общественных трансформаций // Управленческое консультирование. 2011. № 1. С. 100–111.
- Витковская Т. Б.* Модели взаимодействия городских legislatures с главами МСУ в малых городах России // Вестник Пермского университета. Политология. 2012. № 1. С. 112–126.
- Гельман В. Я.* Федеральная политика и местное самоуправление // Власть. 1997. № 9. С. 73–80.
- Гельман В. Я.* Динамика субнационального авторитаризма. Россия в сравнительной перспективе. Препринт М-01/08. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008.
- Гельман В.* Реформа власти в городах России: мэры, сити-менеджеры и местная демократия // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 6 (67). С. 143–152.
- Гельман В. Я., Рыженков С. И., Белокурова Е. В., Борисова Н. В.* Автономия или контроль?: Реформа местной власти в городах России, 1991–2001. СПб.: Летний Сад, 2002.
- Гельман В., Рыженков С., Белокурова Е., Борисова Н.* Реформа местной власти в городах России, 1991–2006. СПб.: Норма, 2008.

Гельман В. Я., Рыженков С. И. Локальные режимы, городское управление и «вертикаль власти» в современной России // Политэксп. 2010. Т. 6. № 4. С. 130–151.

Гельман В. Я., Рыженков С. И. Локальные режимы в крупных городах России: введение в тему // Неприкосновенный запас. 2010. № 2. С. 49–52.

Гельман В. Я. Власть, управление и локальные режимы в России: рамки анализа // Неприкосновенный запас. 2010. № 2. С. 53–62.

Гельман В. Я., Ланкина Т. В. Политические диффузии в условиях пространственно гибридного режима // ПОЛИС. 2007. № 6. С. 86–109.

Гончаров В. Э. Технологии локальной демократии (методическое пособие для местных активистов). СПб.: Политические технологии, 2010.

Евдокимов В. Б., Старцев Я. Ю. Местные органы власти зарубежных стран: правовые аспекты. М.: Спарк, 2001.

Ковешников Е. М. Государство и местное самоуправление в России: теоретико-правовые основы взаимодействия. М.: Норма, 2002.

Кутафин О. Е., Фадеев В. И. Муниципальное право Российской Федерации. М.: Юристъ, 1997.

Кынев А. Муниципальные выборы по новым правилам // Pro et Contra. 2007. Т. 11. № 1. С. 30–42.

Ланкина Т. Реформы местного самоуправления при Путине // Федеральная реформа 2000–2004. Т. 2: Стратегии, институты, проблемы / Под ред. Н. Петрова. М.: МОНФ, 2005. С. 226–267.

Ледяев В. Г. Модели эмпирического исследования власти: западный опыт // Власть и элиты в российской трансформации. СПб.: Интерсоцис, 2005. С. 65–79.

Ледяев В. Г. Социология власти: теория городских политических режимов // Социологический журнал. 2006. № 3–4. С. 46–68.

Ледяев В. Г. Городские политические режимы: Теория и опыт эмпирического исследования // Политическая наука. 2008. № 3. С. 32–60.

Ледяев В. Г. Городские политические режимы: теория и опыт эмпирического исследования // Россия и современный мир. 2008. № 4. С. 129–143.

Ледяев В. Г. Эмпирические исследования власти в городских сообществах: проблемное поле // Политическая наука. 2011. № 3. С. 34–50.

Ледяев В. Г. Социология власти. Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. М.: НИУ-ВШЭ, 2012.

Ледяев В. Г., Чирикова А. Е. Губернатор и его команда в пространстве городской политики малых российских городов // Вестник Пермского университета. Политология. 2013. № 3. С. 4–25.

Ледяев В. Г., Чирикова А. Е. Локальные элиты в малых российских городах: формальные и неформальные ресурсы власти // PRO NUNC. Современные политические процессы. № 1 (13): Вновь об элитах. Тамбов, 2014. С. 129–162.

Макаркин А. Мэры: борьба за независимость // Pro et Contra. 2007. Т. 11. № 1. С. 19–29.

Местное самоуправление в современной России: политика, практика, право / Под ред. С. Рыженкова. М.: МОНФ, 1998.

Местное самоуправление: стратегические направления развития / Под ред. С. Рыженкова. М.: МОНФ, 2000.

Мохов В. П. Изменение институционального статуса местных политических элит в результате реформ 2000-х годов в России // Российские властные институты и элиты в трансформации: Материалы восьмого всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / Отв. ред. А. В. Дука. СПб.: Интерсоцис, 2011. С. 305–323.

Нечаев В. Д. Территориальная организация местного самоуправления в регионах России: генезис и институциональные эффекты. Курск: Изд-во Курского гос. ун-та, 2004.

Нечаев В. Д. Децентрализация, демократизация и эффективность (реформа федеративных отношений и местного самоуправления через призму теории эффективной децентрализации) // ПОЛИС. 2005. № 3.

Новосёлов А. А. Применение концепции «местной демократии» в современном процессе государственного строительства европейских стран. Дис. ... канд. полит. наук. Н. Новгород, 2006.

Панов П. В. Локальная политика в разных измерениях // Политическая наука. 2008. № 3. С. 9–31.

Постовой Н. В. Местное самоуправление. Проблемы и перспективы. М.: Юристъ, 2002.

Реформа местного самоуправления в региональном измерении: По материалам из 21 субъекта Российской Федерации / Под ред. С. Рыженкова, Н. Винника. М.: Институт «Восток—Запад», 1999.

Российское местное самоуправление как политический институт: условия функционирования и перспективы повышения эффективности: Аналитический доклад. М.: ИНСОП, 2008.

Рыженков С. И. Локальные режимы и «вертикаль власти» // Неприкосновенный запас. 2010. № 2. С. 63–72.

Рябова О. А. Градообразующие предприятия и политические процессы в малых промышленных городах Урала // Политическая наука. 2008. № 3. С. 224–235.

Скорородова О. С. Город в системе местного самоуправления современной Российской Федерации // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 12 (058). С. 150–158.

Слатинова В. Б. Мэр или сити-менеджер: модели функционирования органов местного самоуправления в областном центре // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2009. № 4. С. 28–40.

Становление местного самоуправления в России (заочный круглый стол) // ПОЛИС. 1998. № 4.

Такая разная Россия. Политические процессы и местные сообщества в малых городах. Пермь: Издательский дом «Типография купца Тарасова», 2007.

Тев Д. Б. Владельцы и девелоперы недвижимости Калининграда: Связи с властью и политические выгоды // Политическая наука. 2008. № 3. С. 175–193.

Территориальное общественное самоуправление. Текущее состояние и примеры успешных практик из регионов России 2014. М.: Фонд «Устойчивое развитие», 2014.

Тимофеев Н. С. Местное самоуправление в системе государственных и общественных отношений. История и современность. Опыт России. М.: Изд-во МГУ, 2005.

Тихонов Д. А. Местное самоуправление и муниципальная автономия в современной России. М.: Современные тетради, 2004.

Тощенко Ж. Т., Цветкова Г. А. Местное самоуправление: проблемы становления // Социс. 1997. № 10.

Туровский Р. Ф. Политическая география. М.; Смоленск: Изд-во Смоленского ун-та, 1999.

Туровский Р. Ф. Конфликты на уровне субъектов Федерации: типология, содержание, перспективы урегулирования // Общественные науки и современность. 2003. № 6. С. 79–89.

Туровский Р. Ф. Местное самоуправление: к организации эффективной власти // Общественные науки и современность. 2005. № 6. С. 68–79.

Туровский Р. Ф. Российское местное самоуправление: агент государственной власти в ловушке недофинансирования и гражданской пассивности // ПОЛИС. 2015. № 2. С. 35–51.

Центр — регионы — местное самоуправление / Под ред. Г. М. Люхтерхандт-Михалевой и С. И. Рыженкова. М.; СПб.: Летний Сад, 2001.

Черкасов А. Сравнительное местное управление: теория и практика. М.: Инфра-М, 1998.

Чирикова А. Е., Ледяев В. Г., Сельцер Д. Г. Власть в малом российском городе: конфигурация и взаимодействие основных акторов // ПОЛИС. 2014. № 2. С. 88–105.

Шинковская Н. В. Городское самоуправление в современной России: Границы возможного (запрограммированная девиантность владивостокского опыта) // Политическая наука. 2008. № 3. С. 194–223.

Шомина Е. С. Самоорганизация населения как практика местного самоуправления // Полития. 2004. № 4.

Шугрина Е. С. Муниципальное право. М.: Проспект, 2004.

4

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ГЛОБАЛЬНОЕ И РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

4.1. Мировая политика

Мировая политика и международные отношения в России: диалог предметных областей

Мировая политика — одна из наиболее загадочных российских научных и образовательных дисциплин, поскольку ни в какой стране мира, пожалуй, не велись столь интенсивные дискуссии относительно содержания данной области, как в России¹. Почему? Представляется, что во многом причины этого кроются в истории развития политологии и международных отношений в России, где политология как наука оформилась только к концу XX в. Сказанное не означает, что ранее в стране вообще не было политологических исследований. Речь идет именно о широкой институционализации политологии, подразумевающей не только проведение научных исследований, создание ассоциации, но и открытие кафедр в университетах, подготовку соответствующих специалистов, появление специализированных журналов и т.п.

В России, в отличие от других стран мира, международные отношения институционализировались раньше, чем политология. Можно спорить относительно того, как понимались и преподавались международные отношения в СССР, но, тем не менее, в Советском Союзе готовились кадры (хотя и очень ограниченно) в этой сфере, работали институты Академии наук, издавались журналы. Несмотря на то что в тот период в основе международных отношений была история как научная